

Оценка событий 20-летней давности одним из участников создания программы «500 дней» в интервью главному редактору «ЭКО». Автор считает, что в ходе реформ не решена ключевая задача — повышение эффективности экономики.

Ключевые слова: «500 дней», М. С. Горбачев, Н. И. Рыжков, финансовая стабилизация, высвобождение цен, коррупция, суверенитет, олигархический капитализм

«Нынешняя система нереформируема, ее можно только сломать»

С. В. АЛЕКСАНДРЕНКО,

*директор по макроэкономическим исследованиям ГУ-ВШЭ,
Москва*

– Какова, с позиций сегодняшнего дня, Ваша оценка заложенной в программе «500 дней» концепции быстрого перехода к рынку?

– Оглядываясь на события 20-летней давности, считаю, что программа «500 дней» принципиально была верной (собственно говоря, у меня и тогда в этом не было сомнений). Она четко ставила диагноз ситуации, которая сложилась в советской экономике к середине 1990 г. Понятно, что никакого потенциала развития у плановой системы не было, что диспропорции нарастают (и внутренние, и внешние) через платежный баланс, через дефицит бюджета и товарный дефицит. Было очевидно, что нужно менять весь экономический механизм.

К тому времени часть восточноевропейских стран уже сделала решительные прорывы вперед. Самой яркой была польская реформа, которая началась в ноябре 1989 г., и шокотерапия Бальцеровича в начале 1990 г.; уже были понятны результаты того, что делалось в Венгрии и Чехословакии. По большому счету, речь шла о полном сломе существующего экономического механизма и о создании нового. И если непредвзято посмотреть на программу «500 дней», то

© ЭКО 2010 г.

понятно, что в нее были заложены те же самые механизмы, которые были использованы через полтора года правительством Е. Т. Гайдара – либерализация цен и валютного курса, ликвидация бюджетного дефицита, приватизация.

К тому времени польская реформа наиболее наглядно показала, что есть стандартные проблемы – макроэкономическое балансирование (стабилизация), программа институциональных реформ. И эти проблемы надо было решать.

Мне кажется, что еще одним очень важным моментом программы «500 дней» стало то, что в ней затрагивались и политические вопросы – предусматривалось реформирование органов государственной власти СССР, которое позднее трансформировалось в создание Экономического союза, и т. д.

С точки зрения истории очень важный урок программы – то, что она не состоялась (насколько я понимаю, по причине нерешительности М. С. Горбачева – в какой-то момент ему нужно было поверить либо Н. И. Рыжкову, либо команде, создавшей программу «500 дней». Он сделал ставку на Рыжкова, который обещал, что разрешит все проблемы, не ломая системы. Но через полтора года все равно пришлось делать то же самое – только цена вопроса стала гораздо дороже).

Дисбалансы и дефицит продолжали возрастать, денежная сфера окончательно расшаталась, в 1991 г. республики одна за другой отпочковывались от Советского Союза (он представлял собой некое виртуальное пространство). Совокупный дефицит бюджета на территории СССР в 1991 г., по моим оценкам, достигал 50% ВВП. Понятно, что в связи с этим меры по макроэкономической стабилизации, высвобождению цен в начале 1992 г. оказались гораздо более болезненными, чем если это было бы сделано на 15 месяцев раньше.

– Насколько программа «500 дней» была реалистичной и адекватной ситуации в экономике? Была ли у нее альтернатива?

– Альтернативой было лишь то, что предлагал Н. И. Рыжков – оставить все как есть и идти путем медленных изменений, поправочек, по большому счету – в надежде на «русский авось». Собственно, никакой серьезной альтернативы не было, и история России, и опыт других стран это наглядно продемонстрировали.

Впрочем, некоторой альтернативой можно считать путь, по которому пошла Белоруссия (я понимаю, конечно, что нельзя проводить прямые параллели). Страна провела небольшую часть преобразований (понятно, что страна маленькая), и ей удается сохранять какое-то переходное состояние – вроде не совсем плановое, но точно и не рыночное. Но я не верю, что этот вариант был возможен в нашей стране (ведь у Белоруссии всегда был донор в виде России). А если бы не произошел решительный прорыв в экономике, то Россия бы просто дезинтегрировалась как пространство. Ведь основным мотивом желания республик отделиться от СССР было то, что советское руководство не могло справиться с экономическими проблемами, положение ухудшалось день ото дня, и в такой ситуации любые националистические лозунги, любые предложения опоры на собственные силы получали подпитку в обществе.

Вспомните, и у нас до 1993 г. были лозунги суверенитета Уральской республики, уже после октября 1993 г. были подписаны специальные соглашения между Россией и Татарстаном, Россией и Башкирией. По большому счету, это тоже была попытка удержать российское пространство путем каких-то уступок со стороны федерального центра. Это и была плата за российские медленные реформы – отдавали какую-то часть экономической самостоятельности, активы, собственность.

– Учитывались ли возможные негативные эффекты, например, рост коррупции?

– Скорее, нет. Это явление достигло нынешних масштабов уже в 2000-е годы. В госаппарате в 1990-е годы (и даже в самом начале 2000-х) такого не было. Коррупция – это явление, которое распространяется как спрут, занимая все отведенное для него пространство. И если она становится практически официально разрешенной, за это не наказывают – конечно, она развивается.

Мы об этом не говорили всерьез. Вы не забывайте, что программа «500 дней» создавалась сотрудниками академических или экономических институтов. У нас точно не было никакого взаимодействия с силовыми структурами. Надо отдать должное правительственным чиновникам – нам удалось организовать встречи, получение информации, наладить нормальный диалог и с Минфином, и Госбанком, и Госпланом, и Госкомтрудом.

В этом отношении система работала – был дан приказ сотрудничать, и эта часть советской бюрократии добросовестно раскрывала нам многие карты.

К силовым структурам мы не заглядывали. Невозможно было требовать от экономистов в тот момент, чтобы они занимались еще и реформой силовых ведомств. Хотя, как показала практика, это был один из серьезнейших провалов реформы 1990-х годов – то, что правоохранительные структуры оказались нереформированными. Но, как известно, такие перемены без ошибок не бывают.

Мы хорошо понимали, что одним из серьезнейших препятствий на пути рыночных преобразований в России будет состояние умов, отсутствие исторической памяти. В отличие от той же самой Польши, где в 1989 г. еще живы были люди, которые работали в условиях рыночной экономики в середине 1940-х годов, где сельское хозяйство опиралось на частную собственность и где рыночные механизмы не были сломаны, в СССР, России даже наши деды уже не помнили, как это было до большевиков. Конечно, мозги были очень сильно искорежены.

– Почему отказались от постепенных преобразований в пользу шоковых?

– Это некорректная постановка вопроса. При выходе из советской экономики часть реформ нужно было делать быстро – это макроэкономическая стабилизация. То, что нужно было сделать быстро, по факту получилось очень медленно. Реально с ней сильно затянули, и она продолжалась до 1996 г. И в этом, во многом, залог той мучительности, с которой Россия выбиралась из советских объятий. Если бы шок – это только либерализация цен... В конце 1991 г. – начале 1992 г. альтернативы в виде постепенной либерализации цен не существовало. В магазинах Москвы с лета были абсолютно пустые полки, за молоком и хлебом нужно было вставать в очередь в 6 утра.

Если реформы, связанные с либерализацией цен, были проведены достаточно быстро, то нормализация денежной политики, стабилизация бюджета, ограничение бюджетного дефицита и подавление инфляции до уровня менее 10% в год достигнуты только в конце 1996 г. – начале 1997 г.

А вот в отношении рыночных институтов, структурных преобразований и институциональных реформ – все понимали,

что шоковых преобразований здесь быть не может. Мы понимали эти проблемы и пытались написать законы по приватизации, жилью, коммунальному хозяйству, госпредприятиям. Понятно было, что все это займет длительное время.

– А как обстояло дело с олигархами? Можно было предугадать их появление?

– Дикий олигархический капитализм в его худших проявлениях точно не обсуждался. Крупные российские олигархи появились в 1994–1995 гг. – это не могло произойти за месяц или год. Оглядываясь назад, мы хорошо видим, что они все – люди неординарные. Все, кто смогли создать большие состояния, отличались деловой хваткой. Этот слой оказался неоднородным, некоторые не смогли удержать свои активы в кризисных ситуациях. Как и везде. Любой американский миллиардер расскажет вам историю каждого своего миллиона, кроме первого.

Понятно, что многие из них пользовались благоволением государства, государственными ресурсами, комсомольским прошлым и т. д. Можно найти корни, откуда у них это все появлялось, но мы видели и то, как они «вылетали» из обоймы: Гусинский, Смоленский, Виноградов, Березовский... Ходорковский в тюрьме. Из шести олигархов «первого призыва» удержался только В. О. Потанин, делегированный олигархами в правительство. Он не был «назначенным» олигархом, каковыми являлись руководители госкомпаний – Вяхирев, Миллер, Чубайс.

Мало того, что нужно было создать олигархическое состояние (олигарх еще мог влиять на власть), надо было еще все это удержать. Кризисы 1998 г. и 2008 г. показали, что многие олигархи и просто богатые люди далеко не всегда являются устойчивыми в бизнесе.

Так что в начале 1990 г. теоретически было понятно, что крупные состояния в России появятся. Но это не означает, что нужно было отказаться от приватизации, это было неизбежно. Наследие Советского Союза – всенародная собственность, когда все принадлежит всем, – наименее эффективная форма.

При этом у нас в программе «500 дней» была одна концепция приватизации, по закону – другая, а по факту реализовалась третья. Вообще понятно, что приватизация шла по многим направлениям. Был огромный кусок пирога, который

так или иначе предстояло поделить. Поэтому неизбежно должны были появиться крупные состояния.

В истории все уже проходили... В. Мау в своей книге рассказал интересную историю, что ваучеры в первый раз использовал Кромвель. Пойдя войной на Ирландию, он незавоеванные ирландские земли поделил на куски и раздал армии за два месяца до начала войны. За неделю до начала войны вся земля уже была сконцентрирована в руках семи семей.

Очень трудно было оценить в тот момент масштаб предпринимательской активности. Не забывайте, что это была середина 1990 г., а реально частная хозяйственная деятельность была разрешена лишь в 1988 г. Законом «О кооперации». Тогда частный бизнес был представлен огромным множеством мелких кооператоров. Поэтому сформировать какую-то социальную опору для реформаторского давления на правительство, конечно, было невозможно, ситуация была другая.

– Как Вы оцениваете результаты воплощения в жизнь провозглашенных в программе идей?

– Мне кажется, глобальной идеей было построить в России рыночную экономику, и эта задача, безусловно, решена. Однако в последние годы в ней стали происходить серьезные структурные изменения, которые, если их продолжать еще несколько лет, вполне могут перечеркнуть достигнутые результаты. Во-первых, это фактическая национализация, когда государство напрямую или через контролируемые компании усиленно скупает «всё, что движется». Во-вторых, это сильнейший перекос бюджета в сторону социальных расходов: за последние 2–3 года они на столько увеличены, что дефицит Пенсионного фонда составил 6% ВВП. Мне кажется, что более социально ориентированную, чем нынешняя российская экономика, трудно представить. У нас сильное трудовое законодательство, немобильная рабочая сила, до сих пор немобильный рынок жилья...

На мой взгляд, в ходе реформ не решена и еще одна ключевая проблема – недостаточная эффективность российской экономики... С каждым кризисом ее зависимость от сырьевого сектора, от нефтегазовой отрасли только возрастает. И это уже – зона ответственности российских политиков – они не

обращают на это внимания, движутся по инерции, опираясь на экспорт сырья.

Есть расхожее утверждение: в России самый эффективный бизнес – это получить доступ к недрам, чего-нибудь добыть и тут же продать на экспорт. Другие сферы деятельности не столь эффективны из-за существующего налогового и лицензирующего законодательства, бюрократии и т. д. Существует множество ограничений, которые любой другой бизнес делают неэффективным, например, проблемы с таможней.

Приведу пример. В сильно нерыночной Белоруссии президент Лукашенко в начале 2010 г. решительно реформировал таможню. Теперь оформление экспортных грузов из Белоруссии занимает несколько минут. Перед работниками таможни была поставлена задача – как можно быстрее выпустить белорусские товары за пределы территории страны. У нас же, если заниматься любым честным бизнесом, основным барьером являются государственные структуры. На мой взгляд, это и есть печальный результат 2000-х годов. Пришла команда политиков и, к сожалению, экономистов, которых мы привыкли называть либералами, но по факту они защищают и обслуживают ту экономическую систему, которая во главу угла ставит государственные интересы.

Мне кажется, что в России произошла определенная реставрация государственной экономики. Политики считают, что госмонополии, госкорпорации, госкомпании являются каркасом; без них в экономике ничего не произойдет. Это люди, которые, в моем понимании, не верят в рыночные стимулы, механизмы, инициативу, боятся бизнеса, любой человеческой инициативы, и пытаются все это дело «закатать под асфальт». Создать такие условия, чтобы без получения сотни разрешений вообще невозможно было пошевелиться.

– В программе, опубликованной в 1990 г., присутствовали механизмы финансовой стабилизации. Но из-за задержки в 1,5–2 года они не вышли на передний план. Институциональные реформы были отодвинуты и до сих пор буксуют. В экономической политике доминируют меры финансово-монетарного воздействия на макроэкономические процессы. Как Вы это объясните?

– На мой взгляд, такая задержка институциональных реформ связана с тремя факторами. Во-первых, Россия очень много времени потратила на макроэкономическую стабилизацию. Однозначные показатели инфляции (Польша достигла их за полгода в 1990 г.) – это только 1997 г. Мы потратили больше пяти лет на то, что в Польше сделано за 5 месяцев. Конечно, тяжело заниматься институциональными реформами, когда расплзается бюджет, а у правительства не хватает сил – плодятся все новые налоги, растут обязательства. В конечном итоге, количество людей, которые способны в любом правительстве генерировать идеи и решать задачи, ограничено. И когда все силы уходят на борьбу за макроэкономическую стабилизацию, сокращение расходов бюджета, борьбу против выдачи очередных расходных триллионов, – конечно, возможностей заниматься чем-то другим становится все меньше.

Во-вторых, в России, в отличие от восточноевропейских стран, был гипертрофированный военно-промышленный комплекс. И роль госпредприятий, оборонной промышленности, влияние руководителей ВПК на принятие решений, их личные связи очень велики. Ельцин и практически все его окружение, за исключением Е. Т. Гайдара (В. С. Черномырдин, О. Н. Сосковец, О. И. Лобов, Ю. В. Скоков и др.) – это все люди с государственным военно-промышленным мышлением, которые препятствовали системным преобразованиям. Огромной проблемой стало то, что В. С. Черномырдин (который многое сделал, добросовестно пытался разобраться и решать проблемы) был выходцем из «Газпрома» – он его и не дал реформировать, превратить в рыночную компанию. И сейчас понятно, что никакого существенного повышения отдачи от нефтегазового комплекса без реформирования «Газпрома» не получится. Лоббистское влияние госкорпорации «Газпром» настолько сильно, что это блокирует все реформы, в том числе институциональные, в нефтегазовой отрасли, сфере ЖКХ, энергетике.

В-третьих, в последнее десятилетие реформы сдерживало фантастическое везение с ценами на нефть. Когда с середины 2000 г. цены на нефть уверенно пошли вверх, в российский бюджет обрушились огромные доходы от ее экспорта. И властям ничего не нужно было делать, только собирать эти деньги

и решать за их счет все проблемы. «Золотой дождь» не создает политикам каких-либо стимулов для преобразований. И по большому счету, им нельзя даже претензии предъявить. Ни один политик ни в одной стране мира не будет решать проблемы, которые возникнут через 10 лет, если сегодня все хорошо.

Сочетание этих трех факторов привело к тому, что мы сильно отстали с институциональными реформами и продолжаем отставать. Каждый день промедления отбрасывает нас назад по сравнению с конкурентами на рынке.

– Нужна ли сейчас программа углубления институциональных реформ?

– Даже нынешнее политическое руководство согласно с тем, что текущая ситуация никого не устраивает. Понятно, что в стране огромное количество проблем, решить их в рамках существующего политико-экономического механизма невозможно. Обществу, государству, стране, экономике нужен какой-то новый прорыв. И мне кажется, что сегодня мы вернулись в ту точку, в которой были в 1988–1990 гг.: нужны радикальные перемены, но власть надеется на политику малых шагов.

Если к концу 1980-х – началу 1990-х годов ключевыми проблемами были финансовый дисбаланс, тотальный дефицит, то сейчас – отсутствие конкуренции. Нужно делать упор на всемерное стимулирование конкуренции и, соответственно, снижение бюрократического давления. Дальше все развитие событий логически подводит к тому, что без политической конкуренции этого не получится.

Точно так же, как во времена СССР, стало понятно, что без радикальных изменений ничего не выйдет: нужно ломать и политическую, и экономическую системы, построенные на монополии. А сейчас, к сожалению, все, что говорится президентом и премьером, не затрагивает эту проблему.

Я думаю, что нынешнее поколение российских политических лидеров и министров экономического блока всерьез верят, что с помощью точечных мер (Сколково, особые зоны, пять национальных проектов, Московский финансовый центр) можно изменить ситуацию. Разве они не знают о коррупции? Знают. Не понимают, каково наше технологическое отставание в нефтегазовой отрасли? Понимают. У них есть помощники, которые помогают им формировать картину мира. Если

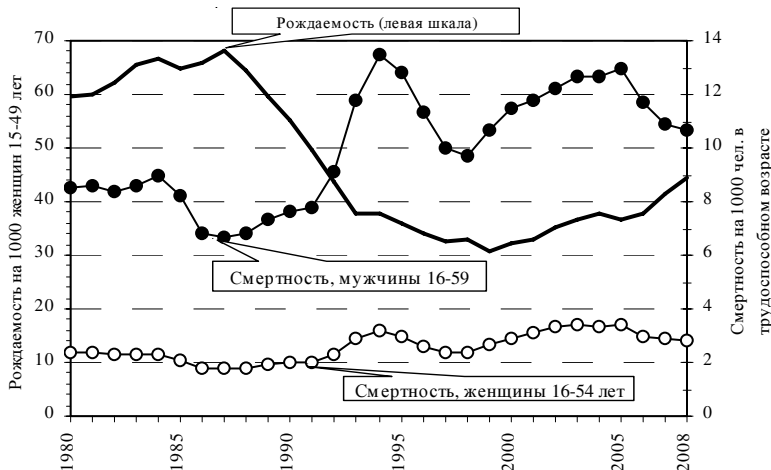
же они не видят все это – у них как у политиков нет будущего. Потому что экономические проблемы не рассыпаются сами собой – их придется решать.

На мой взгляд, парадокс истории состоит в следующем: то, что пытаются делать Медведев и Путин, напоминает то, что пытались делать Горбачев и Рыжков в 1989–1990 гг., когда диагноз уже был поставлен, и было понятно, что делать. Еще в 1986–1987 гг. у нас были какие-то иллюзии, что там или здесь можно советскую систему подправить, но к 1989 г. эти иллюзии закончились, было понятно, что система не работает.

Вот и сейчас нынешняя система неработоспособна, у нее нет будущего. Она может просуществовать 2, 3, 5, даже 10 лет, но она неререформируема. Ее можно только сломать и построить новую.

*Беседы провел В. А. КРЮКОВ,
доктор экономических наук,
главный редактор «ЭКО»*

Статиллюстрации

Рождаемость и смертность в России

Источник: Демографический ежегодник России. 2009 (с. 138, 193)